

мался и во время своей болезни. В одном из моих телефонных разговоров с ним в 2009 г., когда я в очередной раз поинтересовался возможной датой выхода энциклопедии, он с присущим ему юмором заметил, что, вероятно, коллеги в Белоруссии хотят издать ее в качестве венка на его могилу..

Последний раз я разговаривал с Виктором Ивановичем по телефону в 20-х числах апреля 2009 г. Он был полон творческих замыслов, при этом, скромно говоря о том, что он то гуляет с собакой, то немного работает за компьютером. Я рассказал ему о 80-летнем юбилее нашего Института философии, об очередной выпшедшей у меня статье. Когда он узнал, что у меня через пару лет будет юбилей, то сказал, что это будет хорошим поводом для нашей встречи. Мы простились с надеждой вновь встретиться в мае... Эта встреча оказалась прощанием.

Его коллега и помощница Янина Станиславовна Бороненкова, с которой он работал в последние годы, готовит к выходу ряд его философских трудов. Впереди нас ждет много интересных встреч с трудами этого выдающегося ученого и верного и надежного Друга.

В.В. Старовойтов

О МОИХ ВСТРЕЧАХ С ВИКТОРОМ ИВАНОВИЧЕМ ОВЧАРЕНКО

К близким знакомым Виктора Ивановича я не относился, но знал его лично, читал его работы и общался с ним лет десять — с тех пор, как он написал и поместил мою биографию в книгу о психоаналитиках России. Это было для меня не только весьма лестно, но и полезно для профессионального статуса в качестве психолога.

А позднее мы виделись на конференциях, созванивались, и однажды я побывал у него дома. Он всегда был мне интересен как ученый и как оригинальный человек, кое в чем я стремился ему подражать, хотя вряд ли удачно. И я был очень благодарен Виктору Ивановичу за его отношение ко мне и постоянно (может и навязчиво) ему об этом говорил, а он отшучивался.

Сам Виктор Иванович пафоса, по-моему, не жаловал. К тому же, будучи человеком не только умным, но и, что редко сочетается, остроумным, всякую патетику в свой адрес он отклонял, а то и парировал, часто в афористических, чеканных выражениях, да еще и своим «офицерским» голосом (позднее я узнал, что он из семьи военнослужащих). А благодарить его всегда было за что, и я немного побаивался его острот, хотя он никогда не обижал собеседника, наоборот, всячески поддерживал его достоинство, а иронизировал в собственный адрес.

Все-таки скажу о нем приподнято. Думаю, что Виктор Иванович был прежде всего философом. Но не просто в привычно докторском, профессорском, а в подлинном, т.е. сократовском смысле слова. Истина и человек были для него неразделимы. Ведь, на самом деле, науку (как и жизнь) продвигают не идеи, а люди. Недаром Виктор Иванович был также психоаналитиком.

Да он и умер, как Сократ, добровольно «испив цикуту» собственного долга, даже миссии, которые он сам себе избрал.

Считаю, что его подкосила, в конце концов, кропотливая (восьмилетняя) работа над психоаналитической энциклопедией. Осенью прошлого года Виктор Иванович не без смущения сказал мне, что у него в прошедшем семестре был очередной инсульт, и из вуза он ушел. Вообще-то, разговоров о своих недомоганиях он не любил, хотя иллюзий на сей счет не питал. И на вопросы о делах нередко отвечал: *«Как всегда: болею и работаю»*. Как-то я привез для него из-за границы несколько журналов под названием «Philosophical Practice» по неизвестной мне тогда теме «клиническая философия» (clinical philosophy) — и поспешил их ему передать. Виктор Иванович ответил: *«Благодарю за внимание! Время терпит. Хотя что-то клиническое по мне уже, кажется, плачет. Надеюсь, что это»* (Всего лишь. — А.К.) *Philosophical Practice»*.

Однако в последнем случае, очевидно, дело дошло «до точки», поэтому я вновь рискнул предложить ему свои связи в медицинском мире. На этот раз он согласился, даже позвонил моему знакомому доктору и вроде бы собрался лечиться, но потом выяснилось: нет, не стал. *«Вам спасибо, Александр Матвеевич, но... прислали из Минска рукопись энциклопедии»*. И Виктор Иванович сделал за три месяца по ее тексту более тысячи замечаний и рецензий. Мало ему было собственных статей, он редактировал множество других (я чуть не написал «чужих», но это не отвечало бы духу Виктора Ивановича). Кроме того, им были написаны более тысячи биографий психоаналитиков. Эту свою работу он явно умалил, говорил: «Разве это наука?», — однако усилия прилагал к этому немалые, добывая, уточняя, сверяя информацию. Впрочем, Виктор Иванович никогда не чурался крайне полезной для науки методической и даже «технической» работы; чего стоит хотя бы созданный им уникальнейший англо-русский психоаналитический словарь, бескорыстно представленный в Интернете для скачивания. Более того, мне кажется, он считал такую работу принципиально важной, поскольку она была необходимой для **всех** исследователей и студентов.

Как-то я спрашивал его относительно участия в одной престижной международной психоаналитической конференции, и он мне ответил следующее:

«Я действительно планирую быть на конференции. Но отнюдь не собираюсь на ней выступать ни с докладом, ни в обсуждениях. Суть моей позиции предельно проста — надо предоставить возможность

выступить молодежи. Именно этим, как Вы наверняка заметили, я руководствуюсь во время всех психоаналитических и прочих научных «хуралов». Полагаю, что наше дело будет успешно развиваться только в том случае, если мы сумеем добиться того, чтобы во всех наших мероприятиях количественно безусловно и с явным преимуществом доминировала молодежь».

Кроме того, Виктор Иванович постоянно занимался собственными исследованиями, в последние годы писал две книги по философии, после ухода из Лингвистического университета продолжал преподавать (в вузе поблизости от его дома), руководил аспирантами и пр., и пр.

Да и можно ли забыть, что он явился одним из зачинателей современного российского психоанализа. В 70-е годы прошлого века по рукам ходил список, или копия, психоаналитического глоссария, бывшего приложением к его кандидатской диссертации. Все последние десятилетия возрождения психоанализа Виктор Иванович оставался авторитетной фигурой среди аналитиков, был уважаем разными его течениями и партиями. Он был со всеми корректен, хотя, разумеется, мнение свое имел и нередко вполне критическое. И ничто ему не мешало вслух говорить о том, с чем он активно не соглашался. Я был свидетелем тому, как он с публичной трибуны выступил с резкой критикой роли русской православной церкви в современном общественном мнении. Вообще во внешней, в том числе непсихологической, реальности он разбирался не менее глубоко и точно, нежели во внутренней. Насколько я знаю, он кроме всего прочего писал мемуары (иронически именуя их «мемуаразмами») о своем времени. Один такой очерк довольно острого характера Виктор Иванович подарил мне, рассчитывая когда-нибудь его опубликовать. Кстати, однажды он вынужден был отказать мне в помощи напечатать мою статью об иудейских корнях психоанализа в одном очень солидном психоаналитическом издании, дав понять, что там пока едва примирились с фактом еврейства самого Фрейда...

Виктор Иванович гармонично сочетал сдержанность и тактичность с открытостью и чуткостью ко многому, если не ко всему, в нашей жизни.

На мои просьбы (а также, как я знаю, на просьбы других людей, иногда даже совсем ему незнакомых) о справке или консультации Виктор Иванович реагировал сразу, подсказывал и даже присылал материалы. Познания его во всем, чем бы он ни занимался (от истории, социологии, психоанализа, философии — до компьютеров, которые он даже сам собирал из разрозненных блоков) были обширными и глубокими. Когда-то я рассказывал Виктору Ивановичу о найденной мной оригинальной психоаналитической статье 30-х годов прошлого века о русских старинных пословицах, автором которой была известный академический филолог В.П. Адрианова-Перетц. Эта публикация казалась мне — по причине давнего идеологического зап-

рета — в наши дни никому неизвестной; а ее выходные данные я, к сожалению, потерял. Виктор Иванович почти сразу же мне их сообщил и обязал сделать публикацию этой статьи с комментариями. В другой раз я попросил у него совета, как разыскать американского историка психоанализа П. Розена, связь с которым у меня прервалась, а требовалось разрешение на перевод его статьи. Виктор Иванович счел нужным сам разыскать для меня в Интернете электронный адрес и даже фотографию американца. Не раз Виктор Иванович поддерживал меня и морально, в том числе и в моих конфликтах с начальством, а однажды, находясь в президиуме одного научного «хурала» и видя, как, выступая, я волнуюсь, он поднял в мой адрес большой палец.

В ответ на одно из моих поздравлений с днем рождения Виктор Иванович переслал мне изготовленный в его честь коллаж, где знаменитой американской статуе А. Линкольна приданы черты лица Виктора Ивановича, что неожиданно очень подошло как облику заморского радетеля за человеческую свободу и справедливость, так и самому Виктору Ивановичу. Коллаж сопровождался такими словами:

«Сердечно благодарю за добрую память и поздравление! Забавы ради переадресую Вам одно из поздравлений, поступивших ко мне в связи с 63-летием.

А! Какие наши годы?..

Надеюсь, что Вы так же посмеетесь, как и я.

Будьте здоровы и благополучны!»

А.М. Кантор

Энциклопедия вышла. Вышла осенью 2009 года...

Психоанализ: новейшая энциклопедия / Сост. и общ. ред.: В.И. Овчаренко, А.А. Грицанов. — Мн.: Книжный Дом, 2009. — 1120 с.

Энциклопедия включает в себя более 1700 справочных и аналитических статей различных типов, посвященных: фундаментальным понятиям психоанализа, идеям, гипотезам, учениям, доктринам, теориям, методам, методикам, практикам, современным течениям и школам, а также творческим биографиям теоретиков и практиков, классическим публикациям и периодическим изданиям, международным и региональным психоаналитическим организациям, различным образовательным учреждениям.